
Олег МАКОША

МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ

Повесть

Der Bücherwurm (нем.)

Bookworm (англ.)

Читать с любого места в произвольном порядке

Часть первая. Поиск

1

Несмотря на сорок один год, Тимофея Ивановича Гаврилова многие называли — Тимоша. И старые, времен ранней тихой молодости, и новые, казалось, не имевшие на это права, знакомые. Уж больно имя Тимоша ему шло — мягкому, с округлыми движениями и мускулами, невысокому, с щечками и лысинкой человечку. Тимоша, кричала Ирина Васильевна, злобная (по крайней мере, так считалось) заведующая, Тимоша, вы принесли последний ящик? Несу-несу, отвечал Тимофей Иванович и вправду тащил, отдуваясь, картонную коробку с книгами, прижимая к животу и подерживая подбородком. И не как в прошлый раз, продолжала Ирина Васильевна, — Хомякова к философам, а не на «русскую» полку. «Русской» называлась полка во втором зале магазина с трудами сомнительных ученых, страстно и малоаргументированно подтверждающих или отрицающих татарское иго. Тимоша ставил коробку на пол, отряхивал толстый коричневый (цвета собачьих фекалий) свитер домашней вязки, вскрывал коробку и начинал расставлять книги.

Я Барто отнесу к «детям», докладывал он Ирине Васильевне и, зажав под мышкой том Барто плюс Маршака и Чуковского, тащил в первый зал на «детскую» полку. Но Маршак оказывался «взрослый» — переводы и воспоминания, и Тимофей Иваныч опять огребал неприятностей. Куда? — Ирина Васильевна отставляла в сторону ногу, упирала руку в бок (красное потрескивающее платье). — Куда? Туда, лепетал Тимоша. Туда? Туда? Ой, Тима послушно брал книгу, переставлял на нужную полку. Горе вы мое, смягчалась мучительница, когда же научитесь? Я стараюсь. Я знаю. Звонил телефон, она снимала трубку и говорила хорошо поставленным, противным, с прорывающимися вульгарными модуляциями малообразованного человека, голосом.

— Конечно, обязательно, позвоните попозже, да я помню, непременно.

И так далее.

Олег Макоша родился в 1966 году в Горьком. Работал слесарем-механиком в трамвайном депо. Публикуется в периодических изданиях Нижнего Новгорода, но большинство произведений размещено в Интернете. Лауреат премии журнала «Флорида» (Майами, США, 2012). Живет в Нижнем Новгороде.

Тимоша втягивал голову в плечи, ему были невыносимы сам голос и подлая угодливость интонации Ирины Васильевны. Что встали? Заканчивайте. Тимофей Иваныч подхватывал оставшиеся книги и шел в дальний зал к стеллажу со спортивной литературой.

2

Он так себе это и представлял. Икона, не поздний список, а подлинная, первая, с умной золотистой темнотой, пронизанной зарождающимся теплым светом внутри доски, не давалась в руки. Буквально, протягивал монах или мирянин длань, чтобы ухватить доску за край, а она ускользала в сторону. Или в другом, подлинном и таинственном смысле: и брали в руки, и даже устанавливали в киот, но на следующий день не находили на месте. Когда с утра служка входил в часовню или хозяйка открывала глаза на лавке — в углу, за горящей свечкой, иконы не было. Не дается в руки, говорили люди, ищет свое место, добавлял Тимоша. А Захар Горемыкин предложил новую часовню рубить, сказал, как только Она здесь объявится, мы Ей новый дом предложим. А она появится? Обязательно, гляди, как Ей река приглянулась, оберечь Она здесь появится — дом Ее здесь.

Начали рубить мужики часовню. Тимоша больше всех старался, тюкал топором по ледяному сосновому стволу, и звонко отскакивал топор, погоду, просил Терентий Палыч Обоясов, не так держишь, вот так надо. И показывал как, менял угол удара, и входил топор в тело сосны весело, с мягким творожным чавканьем, а отдавалось в воздухе звонким суховатым выстрелом. Руби — на, и в кого ты только такой. Мужики, в подпоясанных веревками армяках, продолжали работать, и Тимоша с ними, рубили дом для иконы, для Заступницы. Вот появится в другой раз, а мы ей скажем: Мать Божья, не уходи, останься с нами, защити и сохрани. Морозный воздух не звенел, но ломался от произносимых слов и тут же поглощал их, как не было. Даже пар не хотел вылетать изо рта.

3

Засыпал в троллейбусе, когда возвращался домой, где его ждали Анна и девочка. Прислонял голову к стеклу, если удавалось присесть, и задремывал. Выходил на своей остановке, никогда не проезжал мимо. Покупал в хлебном четвертинку ржаного и пакет кефира в соседнем киоске, шел к кирпичному пятиэтажному дому. Открывал подъездную дверь, поднимался на четвертый, звонил, слышал детский голос: мама, это Тима? Он был равнодушен к ребенку, шестилетней Марусе, дочке своей сожительницы Анны, но имитировал заинтересованность. И ненавидел само слово «сожительница», но чтобы сделать себе еще больше, часто произносил его вслух. Тима-Тима, отвечала Анна и открывала дверь. Он вежливо здоровался, привет, чмокала его в щеку Анна, привет, Тима, смешно выговаривала Маруся. Мыл руки. Что у нас на ужин? Суп будешь? Буду. Будет-будет, смеялась счастливая его появлением Маруся. В кухонное окно был виден двор: осенний, бедный, с облезлыми некрашеными лавочками, мусорными баками и п-образной шутовщиной для выбивания ковров. Раньше, сто лет назад, Тима тоже выбивал ковры, выходил на улицу, перебрасывал через трубу полосатую красную «дорожку» и стучал специальной палкой-выбивалкой, хлопки отражались от стекол и гулко стреляли между домами.

Завтра выходной? — задала вопрос Анна, хотя ответ знала заранее.

Да.

Пойдем погуляем?

Куда? — спросил Тимоша, хотя и он заранее знал ответ.

В зоопарк, с Марусей.

Нет.

Нет?

Нет.

Но я, начала Анна... он не дал договорить, перебил, сказал, довольно, мы не раз это обсуждали, мне надо поработать, ты же знаешь. Конечно-конечно, Анна сложила посуду в мойку (Тима терпеть этого не мог), пойдём спать, велела Марусе, и они шли.

Я потом помою, бросила она через плечо.

Но Тимоша встал, открыл воду и принялся мыть тарелки.

4

Вышли с утра собирать сети: Аким и Терентий, холодно было, аж зубы ломит, Аким все руки тер, согреться пытался. Гребни давай, укорял Терентий, сам гребни, а я и греблю, сейчас снимем и назад. Туману-то, туману, не видать ничего, Аким плеснул веслом, а что там разглядывать, я заметил хорошо, да и лощманы не подведут. Сделали еще пару-тройку гребков, показались поплавки — лощманы ночные, вынырнули из слоистого молока, разлитого над водой. Давай, протянул Терентий руку, сейчас, Аким положил весло-слегу на дно долбленки. Начали, скомандовал Терентий, и Аким потянул и, тягая на себя веревку, закинул голову вверх. Где среди вдруг разошедшего тумана, малинового с синими прожилками, показался лик — Пресвятая Богородица с младенцем. Господи, взмолился Аким, Господи, твоя сила. Чего ты, Терентий рассердился, чего ты, невмочный, чего бросил-то? Гляди, Теря, гляди, Аким кричал шепотом, пугая тишину, и показывал пальцем. Терентий поднял голову, но ничего не увидел: Богородица исчезла так же быстро, как появилась. Заполосный ты, тяни давай, Терентий подхватил сеть, а ну давай. И рыбаки принялись тянуть улов в лодку, а что это было, спросил Аким, ничего, тяни давай, вот человек, все ему нейдет. Ряпушка, она, родимая, забребай к берегу. Но ведь было, я видел. Ну, видел, и что? Как что — Ее.

5

В исконном смысле, уверял всех Терентий Палыч, а вы как думали? Вот ежели мы возьмем ее в руку, то... но ему не давали договорить, мужики начинали смеяться, помахивая пивными бутылками. Тима улыбался и шел дальше, сегодня выходной — его день, который он проведет в старом отцовском гараже, собирая планер. Такое детское, эпохи первых пионерских отрядов и Осоавиахима, увлечение. Причем все по-настоящему: деревянные рейки, вонючий сваренный самостоятельно на примусе столярный клей, крепкий шпагат, бальса, пергамент, очки-консервы и вообще вся романтика тех лет. Чертежи планера доставались в районной библиотеке, искались в Интернете у таких же любителей, коих на удивление оказалось немало. Летательный аппарат тщательно вычерчивался сначала на миллиметровой бумаге (главное было — полностью воссоздать вкус и дух воздушного энтузиазма), а потом на большом фанерном листе, если деталь изготовлялась из фанеры.

Каждая конкретная деталь в натуральную величину, например, элерон.

И так далее.

А в углу гаража жили уже выточенные нервюры крыла, часть кокпита, колесо от старой мотоколяски, на стене велосипедная цепь висела на гвозде. Тимофей Иванович в черном рабочем халате, под ярким светом люминесцентной лампы, при откры-

тых воротах, склонился над чертежной доской, доставшейся от первой жены. У него в руке карандаш, Тима переносит лонжерон на бумагу, иногда кусает кончик карандаша, а иногда стучит им по зубам. На бумагу падает тень, это в гараж заглядывает Джон (Иван) Кирпичников, приятель Тимофея еще со школьных времен. Здорово, весело говорит Джон. Привет, Тима в ответ улыбается. Как оно? Ничего, а ты? И я ничего. Слушай, что я тут подумал (в воздухе всегда полно прекрасных идей), Джон садится у правой стены в драное автомобильное кресло, вот послушай.

Он начинает речь.

6

Глобальность нашего несчастья непостижима. Потому что мы думаем головой. Не надо меня перебивать, да, головой, а думать надо всем существом, а лучше вообще не думать. Я тут поду... тьфу черт, в общем, если отринуть все пустые мечтания, на которые мы с тобой тратим огромное количество времени, и перестать думать, то можно обрести счастье. Счастье — в отсутствии несчастья, да я знаю, что это не новая мысль, но я и не стремлюсь к оригинальности, а только к прозрению. А отсутствие несчастья — это присутствие счастья, понимаешь? Как у Козьмы Прутковка: хочешь быть счастливым — будь им. Перестань об этом думать и просто будь. Как дерево, как камень, как вода, как облака. Просто будь.

Елки-палки, Джон, ответил Тима, помоги мне, перевернем доску, а то я с этой стороны не достаю, неудобно. Вот так? Кирпичников поднимается с кресла. Так, спасибо, сейчас я дочерчу, и мы продолжим разговор. Да-да, быстрее, пожалуйста — Джону не терпится выговориться.

7

По-английски книжный червь — Bookworm, а по-немецки — Der Bücherwurm, ты, Тима, книжный червь, букворм или дер бухервурм, но везде, заметь, — вурм, червяк, фу. Сами вы «фу», и «р» здесь не читается, хотя в ваших словах есть доля истины.

Доля?

Доля, и не очень большая, Тима был расстроен определением Терентия Палыча — теоретика дворового анархизма и владельца бульдога по имени Жополиз. Они прогуливались. Терентий обличал, Тима слушал, Жополиз то отбегал далеко вперед, то возвращался. К ноге, командовал Терентий, и Тима вздрагивал. Вгрызаешься? — интересовался Палыч, и это вместо того, чтобы с народом пиво пить? Но ведь я обязан, слабо оправдывался Тимофей, самой природой своей, а также профессией. А что это за профессия для мужика, настаивал Терентий, мы тебя определить не можем.

Кто мы?

Мы двор, народ.

А идите вы, народ.

Вот, значит, как ты заговорил?

Да, так!

Так?

Так!

Ну-ну.

На нехорошей ноте заканчивалась прогулка, и домой Тимофей возвращался с тяжелым сердцем и ослабленными ногами, провожаемый сочувственным взглядом тактичного Жополиза.

8

Перед работой забежал Тима в сберкассу оплатить коммунальные услуги, быстрее-быстрее, а впереди две старушки еле двигаются, пожалуйста, просит Тимофей, пожалуйста, и протягивает через голову квитанции в освободившееся окошко. Имя-отчество, интересуется операционистка (красивое слово). Гаврилов Тимофей Иванович, представляется Тимофей Иванович, ах скажите, пожалуйста, дразнится первая старушка, какая неожиданность, а отца вашего, значит, Иван звали? Иван. А я с ним в одном классе училась, надо же, я даже разволновалась. Это что, добавляет другая старушка, маму его Нина Петровна зовут, я с ней училась в одном институте. Да что вы говорите, радуется первая старушка, это на химика-технолога? Именно. И они, забыв про открывшего рот Тиму, отходят от стойки, продолжая восторженно ворковать. А Тимофей Иванович стоит у окошка, смотрит на улыбающуюся сберкассовую барышню и думает о том, что жизнь полна неожиданностей (банально, одергивает сам себя (не надо бояться банальностей, оправдывается тут же другой банальностью) и от этого прекрасна, от пастернаковского разнообразия средств, которыми она намекает на свою неповторимость.

И еще один разговор имел Тима под вечер в магазине по месту работы. Мощный кучерявый парень тридцати двух лет, держащий за руку девочку девяти годов, заявил на Тимино предложение прочесть классика, ваш Чехов соплежуй, а я Ванька Каин, меня весь район знает, я в юности входил в банду Александра Александровича Александрова — последнего романтика чистого грабежа и разбоя.

Но это разные вещи, возразил Тима.

Смежные, парировал подкованный Ванька, смежные.

И добавил: я прекрасно знаю, кто лучший прозаик современности и мастер короткой, но энергичной фразы.

Это... начинает Тима...

Это — Виктор Энэн, утверждает Ванька.

«Энэн»? — уточняет Тимофей.

А что? — напирает Каин, и Тима замолкает.

Пусть так, размышляет он двадцать минут спустя, пусть так — им жить, молодым везде сейчас дорога.

9

А упомянутому выше автору, Виктору Энэн, завтра предстоит выступление в клубе нерабочей молодежи, и он немного взволнован, как примет его продвинутая тусовка, избалованная знаменитостями, жаждущими признания здесь и сейчас. Энэн сидит на кухне съемной маленькой окраинной квартирki и крутит перстень на безымянном пальце — печатка с мертвой головой, в глазницах черепа — зеленые сапфиры.

10

Вспомнил Тима слова Джона про недуманье головой и попробовал применить на практике — напрягся и перестал думать. Не получилось — мысли все равно продолжали рождаться и умирать со скоростью света (мысли). Огромное количество смыслов, просто страшное, одновременно пролетающих и исчезающих из Тиминого персонального компьютера под названием голова в общий, под обозначением — мировой информационный поток.

Но как же так, рассуждал Тима, нас же ведет Божья воля, значит, все предопределено? Но этим можно оправдать многое. Опустить руки и не делать ничего, не созидать, не совершенствоваться. Или пойти украсть, убить, надругаться и заявить: меня вела Воля, я ни при чем, я не самостоятельно! Боже, какая ловушка, какая чудовищная ложь! Тимофей Иванович затосковал и забегал по квартире. Схватил с полки том «Братьев Карамазовых», бросил, схватил снова, открыл наугад, прочел: «...вела их одна только вера друг в друга...», что бы это значило?

Разволновался пуще прежнего.

11

Между тем приближалась ранняя холодная осень.

12

Молились о спасении. Все, кто мог, а кто мог? В основном бабы да ребяташки, пришли на берег Ояти, пали на колени и вознесли слова в небо, в уши Ему. Петровых пятеро — мал мала меньше, Спиридон Данилов — старый хрыч, увязавшийся с народом, а ему и рады, Никифоровы, поселившиеся в Вымоченицах прошлый год, Иван Кирпичников, Кутька Шалый. Он и замычал первый, лег на грязный снег, принялся кататься, заблажил. Стой, приказал Спиридон, стой, окаянный, не время сейчас. А Кутька мычит, пена изо рта лезет, а в небе — лик. Сначала звезда загорелась, следом багряница пролилась, и образ мадонны — Божией Матери с ребенком на руках. Весь в лучах, хоть день-деньской, а глаза слепит — тысячи белых солнц ударили одновременно. Закричал народ, заплакал, Она, Она, спасены! Господи! Слава! И тогда тонкий луч прочертил дорогу с неба на землю, и по лучу, как по золотой нити, вниз соскользнул шар воздуха, пронизанный сверканием, и, упав в снег, остался доской с изображением, чудесной иконой и указанием пути.

13

Когда не было покупателей, Тима (третий месяц) читал «Доктора Живаго». Он вообще имел слабость к толстым русским романам. Или смотрел в огромное окно, где разноцветные листья устлали асфальт и больше всего походили на памятки из детства — квитанции счастья. Перелистывал страницы: Лара гладит белье в буфетной, Юрий Андреевич фактически признается в любви, Лариса Федоровна просит Живаго выйти и вернуться прежним, тем, кто еще не произносил неочевидных, но роковых фраз. И так этот роман был полон силы, заключенной в каждом слове и их сочетании, высказанной автором вроде бы обиняком и косноязычно, а оказывалось, что напрямую, так полон, что Тима вспомнил ряд пережитых мистических откровений. Например, в детстве, около решетки стрельчатого забора Смольного, с шагающим (дежурным) милиционером. Маленький Тимофей, гостивший у родной тетушки, которую он на французский манер называл «ма тант», гулял вдоль с одной стороны ограды, а милиционер с другой. Интересно, что сейчас с тем служителем порядка, жив ли, счастлив ли? Тима — счастлив, полон ощущения момента и сиюминутности происходящего: лучшая в мире улица — центральная улица его города, ранняя осень, гуляющая нарядная публика (молодые красивые люди), когда он идет на работу, и огромное количество книг вокруг, когда уже пришел.

Гуляющий милиционер за оградой Смольного, вся его фигура в сером кителе за черными пиками забора пронзила маленького Тимофея предчувствием огромной жиз-

ни впереди, полной несчастья, страдания и выхода (с постоянным поиском) к свету, который есть любовь и милосердие. И сидя сейчас на стуле за столом у раскрытой книги, Тимофей Иванович знал, что оказался прав: жизнь и вправду была страданием, а страдание — очищающим признаком грядущего преображения.

14

Потому что он был безнадежно влюблен в жизнь и предавался отчаянию, особенно трагическому при взгляде на обложки красивых путеводителей. Париж — пешеходный переход через улицу Риволи, Нью-Йорк — вид на Пятую авеню из окна универсама «Генри Бендель». По парижскому переходу шли люди: три молодые черноволосые красавицы, по-французски элегантные, в коротких юбках, и подросток с матерью, а на Пятой авеню издали видны были клерки в костюмах, большой полицейский. Тиму охватывало необычное чувство, волнение переполняло его — вот же где-то есть другая волшебная жизнь, в которую хочется немедленно погрузиться.

Но тут же подбрасывалась новая мысль: там такая же жизнь, как здесь, со своими несчастьями, неудачами и иллюзиями.

Тем не менее расчерченные пешеходными зебрами, полные солнечного света Пятая авеню и улица Риволи оставляли надежду на рывок, побег и возможность начать сначала, когда начало вырастает из конца, образуя уробороса всевозможных смыслов.

Берлинская улица Розенталерштрассе с обложки очередного путеводителя Тиме не нравилась — грязная, бетонная, с обильно татуированными и выкрашенными в зеленый цвет панками. Пивные банки на тротуаре, цепи с крупными звеньями вокруг полуголого панковского торса — ограниченность ума втиснутого в рамки единого направления.

15

А он знал поэзию труда, тяжелого, ежедневного, созидającego, когда в конце цикла можно получить продукт, а не одно только моральное удовлетворение. Двенадцать лет до того Тимофей Иванович отработал мастером-плиточником сначала на стройке, а потом по частным заказам. Неплохо зарабатывал, всегда был при деле, не унывал — мягкий, старательный, уже начавший лысеть, лелеющий давнюю мечту выучиться на бульдозериста и огромным отвалом срезать трехтонные пласты земли, преобразуя действительность. Куда тебе, смеялись над ним коллеги, а он замолкал, отходил к окну комнаты в квартире, где они заканчивали отделку, и смотрел во двор, как ползут и режут дизелями гусеничные монстры, умные динозавры, ровняя поверхность. Даже записался на курсы, но потом, под давлением обстоятельств, отказался от мечты, о чем жалел до сих пор. Но появился книжный магазин, и Тима понял, мечты сбываются (как в песне его юности), не мытьем — так катаньем. И только альбом детских раскрасок «Тяжелая техника Заполярья» заставлял надолго задумываться и представлять сладкие картины. Вот он в кирзовых сапогах и телогрейке, в тяжелом, но мягком танковом шлеме залезает в кабину отмытого от отечественной грязи желтого японского бульдозера, нажимает кнопку стартера (или что там у него), двигатель взрывается, на выхлопной трубе радостно прыгает, выпуская сизый дым, хлопает пламегасящая крышка, и машина двигается вперед. Тима сидит за рычагами управления (рулем) уверенно и мастеровито. Эге-гей! — кричит Тима окрест.

Осторожнее, на х..., отзываются работяги, смотри, куда рулишь, придурок.

16

Он писал Ее, как запомнил, как видел в собственной душе, закрывая глаза. Надеюсь на то, что изображение даст людям представление о Ее красоте и величии. О всей заключенной в Ней великой силе любви. Попросил у Автолика достать подходящую доску, старательно, тщательно изготовил краски и сел запечатлеть, пока еще рука послушна замыслу, а Дух, пронизывая позвоночный столб, контролирует задуманное. Закончив, передал Феофилу в Антиохию, где тот служил, и велел хранить вечно. А после смерти отдать следующему преданному апологету, что Феофил и намеревался выполнить, для чего налаживал контакты в Иерусалиме, заранее приглядывая безопасное место для хранения столь ценного (бесценного) дара.

Нерушима суть, говорил, еще немного времени, и займем достойное место среди равных.

Равные среди равных.

17

Планер обретал очертания. Обтянутые крылья стояли вдоль левой стены, хвост — около правой, а фюзеляж с доделанным кокпитом — посередине. Тима был озабочен покупкой краски и целыми днями в выходные сидел за компьютером, разыскивая подходящую. Еще оставался вопрос с разгонкой аппарата для дальнейшего полета. Всем известно, что планеру необходим рывок, толчок, как любому талантливому явлению, потому что бессмысленно и преступно ждать, что хрупкое устройство из дерева, лески и бумаги полетит само. Нужно дать ему ускорение грубым механизированным устройством, будь то самолет, автомобиль или мотодельтаплан. Да хоть мотоциклом разгоняй, которого, кстати, у Тимы тоже не было. Стоило обратиться к Джонни, известному поборнику прав ночного передвижения по спящему городу на двухколесном транспортном средстве, являющимся по совместительству средством повышенной опасности. Джонни был мотоциклист со стажем, х... ли, говаривал грубый байкер Кирпичников, разгоним твою катафалку до разумной скорости, толкнем с холма, и полетишь. Некстати вспоминалось эпическое стихотворение Бродского «Холмы»: «Кусты перед ними смыкались», к чему бы это? — думал Тима, к деньгам, парировал жизнерадостный Джон, к ним, родимым. Деньги сейчас не помешают, соглашался Тима, краски надо купить, и вообще.

Ну, если «вообще», тогда да.

Что да?

То.

То?

Да, то.

Диалог заходил в тупик, откуда всегда был выход на простор дружеского подкальвания.

А помнишь, начинал Джон... но Тима отвечал, нет, не помню, не помню и не хочу.

18

Царьград, он же Константинополь, город могучий и значимый. Настолько значимый, что во Влахернский храм Богородицы стекаются все христианские помыслы земли. Образуя защитное поле вокруг, они питают благодатную среду для реализации

чудес. Там ищут защиты и утешения: женщины в легких светлых накидках из домотканого полотна, дети, стриженные в кружок, старухи в темных платках, с тяжелыми перстнями на искореженных временем пальцах и мужчины, приходящие сюда не каждый день, а только по праздникам. У правой стены стоит мальчик, изо рта которого течет жидкая прозрачная слюна, мать вытирает ему рот рукой, наклоняет голову, и ребенок опускается на колени. Молись, шепчет она дебилу, молись, проси исцеления. Тимофею стыдно и больно слышать слова женщины, хотя, казалось бы, это единственное место, где такие просьбы уместны, но он делает шаг в сторону и прячется за колонну. Ребенок что-то шепчет, Тимофей помогает ему, повторяет вместе, с особенным чувством: «...и дашь во исцеление, и сбудется воля Твоя, и прибудет...»

Вдруг у него отрывается завязка на вороте рубахи, падает на пол, Тима нагибается и поднимает, зажимает в кулаке.

Это знак, он уверен.

19

Раздвоенность проистекала из удовлетворенностью работой и недовольством всем остальным. Подо «всем остальным» имелись в виду: личная жизнь и (Тима подумал еще) снова личная жизнь. Его нескладная натура не давала возможности для самореализации. Все эти курсы бульдозеристов, построение планера, зубрежка неправильных английских глаголов были суть попытками найти утешение в отсутствии основных и самых нужных способностей — иметь семью: дом, жену и детей. Тимофей Иванович, телец по гороскопу, питал склонность к оседлому образу жизни, к чашке кофе по утрам в одно и то же время, к тарелке куриных шей в обед, к чтению толстой скучной книги под уютной лампой перед сном. К вождению ребенка в детский сад, к посещению родительских собраний в школе, к общественной жизни и полезным мероприятиям. Всего этого он был лишен, вынужденный вести жизнь какого-то маленького пухлого интеллектуального авантюриста (не Наполеона духа отнюдь).

Бороду, что ли, отрастить, думал он иногда с отчаянием, для близиру?

И не отращивал — боялся любых перемен.

Запуганный, совершал подвиг, идя в поликлинику за медицинским полисом и свидетельством своего существования, сталкиваясь со стариками в узких пространственно-временных коридорах учреждения, чертыхался и брезгливо зажимал нос, старики воняли старостью, болезнями, заброшенностью, страхом или ожиданием смерти. Не понимая и боясь людей до степени легкого умопомрачения, Тимофей Иванович тем не менее вынужден был принимать хотя бы небольшое участие в жизни — ходить за хлебом, на работу, в присутственные места. Как это все в нем уживалось, понять было нелегко. Но менять следовало немедленно.

И он старался.

20

Говорили, что Лик видели и в других местах: на Куковой горе, также в Смолково, общим счетом до семи случаев. Кузнец Мамин клялся, что лично видел два раза. И везде Она являла себя, давала лицезреть, вдохновиться надеждой и защитой и исчезала.

Люди падали на колени, возносили руки, а видение рассевалось в тумане.

Не дается, повторяли, за грехи наши не идет.

21

Тимофей Иваныч купил книжицу в мягкой обложке «Психокорректирующий тренинг для начинающих». Автор, доктор психологических наук, академик Свободной академии демиургов и маг двенадцатой ступени посвящения, советовал заниматься по его системе каждый день — раз утром, раз вечером — по пятнадцать минут. Тима приступил к занятиям. Он повторял мантры, созданные на основе тончайших космических колебаний чутким гением доктора, и чувствовал, как внутреннее ядро меняется. Вдумывался в смысл предложений, представлял себя бесконечно малым на заре существования не только дня, но и всей Вселенной и понимал, что в него входит неведомая доселе сила созидания и приближения к огромной реке общей жизни. Общей с облаками, зверушками, травами, камнями, нефтью, фигурами для игры в го (также именуемых камнями) и самим мастером игры.

После медитаций Тима ощущал прилив сил, и ему сразу хотелось сказать главное. Сказать всему человечеству, сказать, я люблю тебя, человечество, я люблю вас всех, будем же счастливы...

Потому что успеть высказаться, успеть создать главный письменный труд своей жизни так важно для думающего человека, для мыслителя и объяснителя жизни, для современного Сократа, наконец.

Но он не успевал, выходил на улицу, садился в девятнадцатый троллейбус и разбивал об чужие недружественные локти свои душевные порывы.

Но я напишу, бормотал Тима несколько даже сомнамбулически, я обрету знание и поделюсь им с благодарным человечеством.

Любовь — единственная ценность на Земле.

22

В понедельник в магазин пришла новая продавщица Таня Платонова. И тот шар, что жил в Тиме в районе солнечного сплетения и претерпевал изменения за последнее время, наконец начал делиться, как атом.

Зинаида Альбертовна, представилась девушка.

Странно, ответил Тимофей, мне сказали, что вас зовут Таня.

Я пошутила.

Смешно.

Спасибо.

Глупо немного получилось?

Не без этого.

Тимофей Иванович разволновался окончательно.

23

«Двенадцать апостолов» в синодальном издании, попросил высокий мужчина с черной бородой и длинными седыми вьющимися волосами. Тимоша принес книгу. А Ветхий Завет у вас есть? Есть. Покажите. Принес и подумал: почему внешность определяет порядок требуемых книг? Раз борода и седые кудри, обязательно что-нибудь божественное. А если серые пластиковые «туннели» в ушах и четыре кольца в носу — Паланик. А например, деловой костюм и кожаный портфель на длинной лямке — тайм-менеджмент, а если из художественной, то Мураками «О чем я говорю, когда говорю о беге».

Юная и тонкая — роман Гавальды, толстая — «Тайные записки куртизанки», усталая — Токарева или Кинселла, умная — «Утешение философией» де Боттона.

Потому и определяет, что соответствует.

24

На том самом месте, на берегу Тихвинки, срубили храм Успения Богородицы. Начали с часовни, а закончили храмом, потому что часовню Она перенесла. В буквальном смысле слова. И Захарка Горемыкин, и Терентий Обоясов могут подтвердить, да и сам Тимошка видел, вечером уходили, стояла часовня на возвышении, что в левом прогале, возле трех сосен, отдельно произрастающих, а утром Марфа Спиридонова пришла — нет и в помине. Потом обнаружили за полверсты от означенного места. Переставила ночью Мать Божия сооружение, не понравилось Ей предыдущее место, сама выбрала новое. Там и порешили ставить храм. С одной стороны, вроде глубже в лес, а с другой — ближе к людям, с первого взгляда спрятала Богоматерь себя, а со второго, наоборот, приблизила.

Только Она одна и могла такое место выбрать.

Тихвинская икона Божией Матери.

Теперь уже Тихвинская.

И красиво кругом, той северной не сразу заметной прелестью, в которой душа находит не отдохновение, а нужную работу, потому что для души работа важнее отдыха, это всем известно.

Природа у нас неяркая, иногда удручающего вида, а характеры воспитывает твердые и неординарные.

Река — течет, чуть плещет на мелководье, темнеет на глубине, как сама жизнь.

25

Вечером Тима читал:

Еще кругом ночная мгла.
Еще так рано в мире,
Что звездам в небе нет числа,
И каждая, как день, светла,
И если бы земля могла,
Она бы Пасху проспала
Под чтение Псалтыри.

Еще кругом ночная мгла.
Такая рань на свете,
Что площадь вечностью легла
От перекрестка до угла,
И до рассвета и тепла
Еще тысячелетье.

Еще земля голым-гола,
И ей ночами не в чем
Раскачивать колокола
И вторить с воли певчим.

И со Страстного четверга
Вплоть до Страстной субботы
Вода буравит берега
И вьет водовороты.

И лес раздет и непокрыт,
И на Страстях Христовых,
Как строй молящихся, стоит
Толпой стволов сосновых.

А в городе, на небольшом
Пространстве, как на сходке,
Деревья смотрят нагишом
В церковные решетки.

И взгляд их ужасом объят.
Понятна их тревога.
Сады выходят из оград,
Колеблется земли уклад:
Они хоронят Бога.

И видят свет у царских врат,
И черный плат, и свечек ряд,
Заплаканные лица —
И вдруг навстречу крестный ход
Выходит с плашаницей,
И две березы у ворот
Должны посторониться.

И шествие обходит двор
По краю тротуара,
И вносит с улицы в притвор
Весну, весенний разговор
И воздух с привкусом просфор
И вешнего угара.

И март разбрасывает снег
На паперти толпе калек,
Как будто вышел человек,
И вынес, и открыл ковчег,
И все до нитки роздал.

И пенье длится до зари,
И, нарыдавшись в досталь,
Доходят тише изнутри
На пустыри под фонари
Псалтырь или Апостол.

Но в полночь смолкнут тварь и плоть,
Заслышав слух весенний,
Что только-только распогодь,
Смерть можно будет побороть
Усиьем Воскресенья.

Постепенно Пастернак становился главным поэтом в его жизни (не в последнюю очередь благодаря яркой христианской гуманистической направленности творчества), немного вытесняя на периферию прежних любимцев: Бориса Васильева и Николая Клюева.

26

Анна спросила: как прошел день?

Никак, хотелось ответить Тимофею.

Прошел буквально, шагами отмеряя время, оставшееся до смерти. Я всегда удивлялся, отчего люди торопят день, тем самым приближая час. А воскресение? Воскресение будет, это неизбежно, как... Он не нашел сравнения, старое: как победа коммунизма, потеряло свой смысл, а новых у народа не родилось.

Вдруг за стеной в соседней квартире завыл Жополиз, да так громко, что Анна и Тима испугались. Где Маруся? Тима встал с табурета. У мамы. У мамы — это хорошо, выглянул в окно, поздняя городская осень наводила уныние, после первоначальной легкой прохлады, остужающей нетерпение жить, пришли дожди, всегда вселяющие в Тимофея Ивановича уныние и скуку.

Надо взбодриться, приказал сам себе и постарался перенастроить частоту восприятия. Как хорошо, как хорошо, как удачно все складывается, еще бы собака перестала выть.

Собака выть не перестала, и вдобавок занялся дождь, крупные капли стучали в оконное стекло, общий шум и затемнение усилили атмосферу неудачи. Нафиг, выругался Тима, поехали за Марусей. Они оделись, взяли зонты и вышли из дома. До Анниной матери, Татьяны Сергеевны, по второму мужу — Бужениновой, было напрямую недалеко — пара остановок.

Пройдемся пешком, предложил Тима.

Так ведь дождь?

Ну и что.

27

У него было ощущение жизни под спудом, под плитой из неудач, отчаяния, неума, трусости, зависти и злобы. И он все ждал, когда же рухнет, когда гнет выйдет из-под контроля и подомнет обычный распорядок дня, вывихнет рациональный план ближайших месяцев и вырвется наружу нервным срывом, шизофренической выходкой или легкой (средней) тяжести преступлением. Безобразной матерной руганью в троллейбусе, дракой около магазина, кражей детской игрушки с последующим задержанием, в универсаме.

У главного героя всегда есть чудесный и всемогущий помощник, появляющийся в нужный момент (часто олицетворяющий судьбу, рок) из ниоткуда.

Он это помнил по «Доктору Живаго».

У Тимы такого не было.

28

Снял Герасим тряпичей немного, пригляделся — хорошо получается, раствор не злой, настоящий на полыни. Он порешил, что защитный слой надо обновить. Долго добивался разрешения от самого царя Михаила Федоровича, действовал через митрополита и добился, пушай, сказал царь, делает, да пусть смотрит, чтобы не погубить, а то я его самого этим же образом обновлю до состояния беспамятства.

Поэтому сидит сейчас и пытается тряску рук унять, возит тряпичей, снимает олифию, поверх лака золотого наложенную. Снизу начал, с правого нижнего угла, как дошел, перекрестясь, до пяточки, для лобзания предназначенной, — лик исчез.

Господи, помилуй, прошептал и принялся моргать, надеясь, что померещилось, да только в Ее присутствии не мерещится.

Пусто мне, молвил обреченно.

Сначала заметался, а потом упал на колени и принялся класть земные поклоны, стучаясь головой об пол.

Его худое согнутое тело в шерстяном подряснике напоминало букву «глаголь», если принять ее круги за голову игумена. Прости, он еще раз поклонился, выпрямился и робко взглянул на доску — лик проявился.

Спасибо, Матушка, Герасим перекрестился зажатой в пальцах тряпкой, бросил ее на стол, вытер пот со лба.

Помилуй, помилуй...

29

Вечером зашел местный убогий — Василий Васильевич. Тип городского сумасшедшего: китайские кроссовки, коротковатые офицерские, еще советские, брюки, болоньевый голубой плащ, нечесаные жидкие соломенные волосы до плеч. Тима испугался, неординарность всегда настораживала его, а усредненность пленяла. Убогий вошел в магазин, подскочил к стеллажу с подарочными изданиями и первым делом схватил альбом импрессионистов.

Такие люди постоянно ошивались в помещении магазина, подолгу листали преимущественно дорогие роскошные издания, недоступные им по определению, комментировали события общественной жизни. Посадил президент олигарха, ага, и правильно сделал, а это у нас что, а-а, «Самые красивые автомобили мира», подумаешь... вот что надо восстанавливать и памятники снова ставить... все сломали, сволочи... где, интересно, это стояло? Вы не знаете?

Не имею понятия, отвечал Тимофей Иванович, я же...

А впрочем, что объяснять, думал он, ему не нужен собеседник, Бог уже дал им возможность бесконечного диалога с источником, из которого черпай-черпай, не вычерпашь — с собственной бесконечностью.

Захватывающий диалог: мир открывался им другой стороной, где облака были облаками, коровы коровами, автомобили автомобилями.

И эта не простота, до которой идти и идти, а сложность, следующая за этой простотой.

30

Каждодневное бритье утомляло. При всей Тиминой редковолосости на голове, на лице щетина произрастала быстро и обильно, как будто компенсируя. Открывая дверь

в ванную комнату, Тимофей Иванович заранее уставал от предстоящего процесса. Брал баллончик с пеной, пшикал на ладонь, мазал скулы, смотрелся в зеркало. Из зеркала, глаза в глаза, выглядывал незнакомец, чужой человек, измазанный какой-то белой дрянью. Он брал станок и начинал водить им по своему (Тиминому?) лицу. От виска, вдоль щеки к подбородку — с левой стороны, с правой. С правой всегда получалось криво — рука непроизвольно брала круче, и редкие попытки Тимы завести на физиономии усы или бороду кончались скособоченной разбойничьей порослью, пугавшей окружающих и внушающей отвращение хозяину. Далее верхнюю губу и слегка намечающиеся брыла. Заканчивал водить, вглядывался последний раз в отражение, умывался, душился водой после бритья, коей хватало (Тима заметил специально) ровно на восемь с половиной месяцев, и выходил из ванной до завтра, до следующего раза.

К пятидесяти пяти отращу бороду (стану похож на... на... не додумывал, забывал), обещал сам себе Тимофей Иваныч.

И бродягой пойду по Руси.

Это уже — Богу.

31

В среду с самого утра отправился пономарь Юрыш в деревню собирать народ на освящение достроенной церкви, а когда добрался, то был немного не в себе, все твердил, что встретил саму Богородицу и разговаривал с Ней. И будто бы она ему рече: не ставьте крест железный, ставьте деревянный, и еще Никола Чудотворец рядом с ней, сидя на поваленной сосне, головой кивает. Подкосились ноги у Юрыша, упал он на пень и взмолился, кто же мне поверит, Матушка, простому пономарю? А Та ему, ты скажи, что я тебе велела, не забудь. Сказал Юрыш, все головами покачали, а Прошка Сапожников по плечу похлопал, ты, мол, Юрышка, говори да не заговаривайся, вишь, Богородица ему привиделась, рылом не вышел.

И пошли к церкви на воздвижение креста и освящение. Полезли плотники по лесам, добрались до верха, до маковки, Петруня Никишкин встал плотнее, а на плечи ему влез Вилка Суматохов и крест заводит в гнездо, да только Петруня оступился, повел плечами и присел невзначай, эхма, молвил, когда Вилка вниз полетел.

Народ закричал, сильнее всех Груня Пряхина, невеста Вилки.

Но не упал Суматохов, как следовало бы ожидать, а подхваченный внезапно налетевшим порывом ветра, был мягко опущен на землю. Матушка, Матушка, заволновались люди, уже прослышавшие про запрет на водружение железного креста, надо деревянный, закивали головами, дерево, оно живое, а железо ваше — смерть, оно кровь остужает.

Додумались сделать крест из той сосны, на которой Юрыш видел Богородицу и Николу Чудотворца, найдешь, спросили у пономаря? Найду, поди, ответил тот, чего ж не найти, мало ли их, что ли, в лесу.

Тем более никакая это не сосна.

32

Стал замечать, что разговаривает сам с собой строками из Пастернака: «...я дал разъехаться домашним, солнце греет до седьмого пота, еще кругом ночная мгла, еще так рано в мире».

Повторял при всяком случае совпадения и несовпадения строк гения с ситуацией или настроением.

Твердил как заклинание, надеясь, что они защитят, подскажут в нужный момент выход, благоприятно изменят вибрации вокруг, просто прозвучат, комментируя.

Мне далекое время мерещится, мне далекое время..., бесконечно, раз за разом, строки повторялись, теряя один смысл и приобретая другой, может быть, сокровенный, шаманский, дорастая до камлания и обращения к истокам жизни.

Еще примерял, а как бы поступил Борис Леонидович в той или иной ситуации.

33

Колоду, на которую опустился Юрыш, обезножев от чуда и окончательно сомлев, срубили, распилили и стали делать доски, на которых писали Богородицу.

Драгоценность.

34

Маруся ни с того ни с сего сильно разболелась, и Тима, неожиданно для себя, принял деятельное участие в лечении. Бегал по аптекам, покупал продукты, мерил ребенку температуру, просто волновался. Как она? — спрашивал у Анны, ты лекарство давала? Давала, отвечала Анна, радуясь такому нетерпению и вдруг проявившейся заботе.

А молоко вскипятила?

Да.

Врач когда придет?

Доктор?

Доктор — это ученая степень, раздражался Тима.

Вечером, часов в пять.

Хорошо.

Подходил к кровати, на которой лежала девочка, клал на лоб руку, нагибался и касался губами, как мама в его детстве его лба. Лоб был горячий. Почитать тебе сказку? — предлагал Марусе, но девочке было не до сказок, тогда Тима опускался рядом с кроватью на стул и просто сидел рядом, как бы впитывая, перетягивая на себя болезнь, стараясь облегчить страдание ребенка.

35

Сел на унитаз. То есть сначала долго метался по комнате, пугая Анну с Марусей (которые деланно закатывали от страха глаза и разбегались по углам), искал книгу. Не мог без чтения совершать процесс, выработал в себе интеллигентскую привычку читать на унитазе. Руководствовался известным правилом: «Не сиди просто так — думай». И после нескольких бесполезных кругов, не принесших результата, схватил первую попавшуюся — «Общая теория менеджмента». Сел на унитаз. Полистал со скукой псевдонаучную тягомотину, неизвестно откуда появившуюся. Вообще, это отдельная тема — появление в доме книг, не входящих в сферу интересов кого-либо из семьи.

Сосредоточился.

Потом подумал, отчего в русских романах гордые авторы обходят тему ежедневно многочисленного мочеиспускания или хотя бы одного раза дефекации главного героя? От извечной нашей стыдливости? От кристальной чистоты русского народа-богосносца? Тогда как это вяжется с колоссальной засранностью окружающего пространства?

Или оттого, что это не интересно? И не обо всем надо говорить?

Пожалуй, от последнего.

Оторвал кусок бумаги и занялся (вот-вот) никому не интересным (кроме исполнителя) частным делом.

Слава богу, бормотал, выходя, хоть здесь нам оставили право на приватность, которая самым действием очень точно выражала суть явления. Где-то он читал про ужас коллективного одномоментного испражнения у кого-то из легендарных лагерных авторов.

Не у Варлама ли Тихоновича Шаламова?

36

Наступили первые холода, и выпал снежок, все вокруг стало черно-белым, как немое кино, природа как будто приготовилась к простым, однозначным решениям и поступкам.

Тимофея Ивановича, когда он поздно вечером возвращался с работы, ограбила и сильно избила случайная пьяная лихая компания, сломав ребро и выбив челюсть.

После выписки из больницы он сильно изменился, в нем появилась некоторая благодать: Тима стал воспринимать мир как тот есть. Ему казалось, что наконец-то без искажений и дополнений. То, к чему он давно стремился, пришло после унижения и страдания (что естественно?).

И украденные копейки, и испоганенная одежда, тягостные травмы — все казалось неважным на фоне обновления, пришедшего через боль, воспринимаемую как почти заслуженную кару, что сразу выдавало в Тиме простодушного русского интеллигента из разночинцев.

На работе к произошедшему с Тимофеем Ивановичем несчастьем отнеслись с пониманием, предоставив оплачиваемый больничный.

Анна и Маруся ухаживали за выздоравливающим, и между Тимой и ребенком укрепились ранее появившиеся взаимные приязнь и понимание.

Но обновление было неполным.

Часть вторая. Обретение

37

Тима очень берег чувство гармонии, укрепившееся в нем, тот шар равновесия, балансирующий в районе солнечного сплетения, который не давал сорваться в уныние, с недавних пор почитаемое Тимой за грех.

Воцерквляешься? — спрашивала Анна.

Вочеловечиваюсь, немного кошунственно отвечал Тимофей.

Ну и слава богу.

Перед сном он страдал, мучительно перебирал события того рокового дня и искал выход, возможность изменить, стереть из памяти постыдный случай. Когда к нему в двух шагах от дома подошли, а правильнее сказать — подвалили трое молодых людей, в возрасте около двадцати лет и сказали с непередаваемой интонацией звериного интуитивного превосходства: слышь, мужик, денег дай — и низенький, налысо бритый плюнул Тиме под ноги.

Цыкнул слюной сквозь зубы.

Господи, ничего не изменилось, подумал Тима, имея в виду свое детство в рабочем квартале любимого города, но вслух произнес, понимая все ложность пафоса и построения фразы, способной лишь усилить его незащитность перед уличным зверем.

Да как вы смеете?

После чего бандиты засмеялись, и самый худой и высокий ударил в лицо, огромным мосластым кулаком вышибая Тиме челюсть. А когда Тимофей Иванович упал, тут же

потеряв сознание от непереносимого болевого шока, троица, вдруг мгновенно, страшно, но и привычно расшвыряв, принялась бить его ногами.

И вот теперь он пытается все забыть, раз за разом просматривает случившееся и надеется, что это поможет, должен же быть способ избыть все.

Вернуться в тот день и изменить.

38

Значение секса в жизни преувеличено, заявил Тима слушателям, состоявшим из двух его старинных приятелей: Иосифа Чубчика и верного Джона Кирпичникова. Ага, конечно, отозвался Ося, то-то я гляжу, все только и делают, что отказываются. То есть? — спросил Тима. Да брось, братан, как доказал Фрейд (Ося выпендривался, как он считал, правильным произношением фамилии венского мага), секс — основа всего. А ты уверен, что он доказал именно это? Спросил Тима. Джон, закричал Ося, нет, ты скажи ему! Скажи этому неучу, что секс — это здóрово и здоровó. Когда стоит, конечно. Тима, послушно повторил Джон, секс — это здóрово и здоровó, конечно, когда сто́ит и сто́ит. Вы пара идиотов, обиделся на друганов Тимофей Иванович, главное в жизни не это. А что? — дружно спросили ребята. Как что? Духовное самосовершенствование. Через секс? — язвительно вставил Ося. Через... да поймите, олухи, с годами желание отходит на второй план, а на первый выступают иные ценности. Радость созидательного труда, творчества, заботы о близких, смена времен года, в конце концов. Да, наблюдать за тем, как на смену лету приходит осень, — счастье. Размышлять, сесть в кресло и задуматься, разве это не наслаждение — думать? А у вас одно на уме, трах-бах, трах-бабах. Дебилы.

Ну-ну, подвел итог Чубчик, поговорили.

А Тима вдруг запел любимого с юности Аркадия Северного:

В феврале морозы нынче лютые,
Холодно в февральскую пургу.
Мои ноги, в валенки обутые,
С хрустом разрывают тишину...

Ну как с таким разговаривать?

39

Шла за водой, второй месяц как укрывались они, жены и детишки, в мужском монастыре на другом берегу Тихвинки от лыцарей, что окопались в Сиверской крепости. Шла и молилась, как молилась два года назад, испрашивая милости — здоровья Санюшке, а когда нагнулась за ведрами, повесить на коромысел, потом выпрямилась, то увидела Богородицу. Матушка, сказала, пришла защитить нас, пришла. А та ей в ответ, завтра несите крестным ходом по-над стенами и ничего не бойтесь. А кого нести-то? — спохватилась обомлевшая Мария.

Но Матушка уже исчезла, растворилась в воздухе.

Побежала Мария к игумену, рассказала, догадались и пронесли Лик по стенам Успенского монастыря, вразумили врага. Пришел тот в смятение, побросали добро шведы, вскочили на коней, растворили ворота крепости и бежали в одночасье — вот какая сила у Нее.

А Мария пуще прежнего укрепилась к жизни.

Когда такая заступница есть, ничего уже не страшно.

40

Тима начал замечать, что заигрывает с Таней Платоновой, старается преподнести себя в более выгодном свете, постоянно острит, часто смеется впопад, козыряет познаниями.

В свободное от покупателей время рассуждал на общие темы: сдвиги в истории происходят в результате накопления множества факторов, может быть, миллионов. Сколько всего должно произойти, чтобы рухнула одна общественная формация и на ее месте образовалась новая? Ни один правитель не в силах что-либо изменить или на что-либо повлиять, они — накипь, образованная бурлением внутренних сил. Это движение никогда не кончается, оно началось с сотворения мира и продолжается бесконечно. Элементы неба, земли, воды сцепляются, разъединяются, образуют рисунок, а нам кажется, что к власти пришла новая партия, но это звезды выстроились определенным образом, причем это выстраивание началось задолго до нашего рождения, к этому добавилась миграция белых китов, а может быть, она была лишь следствием, плюс на острове Магирос у старшего сына потомственного вождя племени муарпов разболелся зуб. А в России подорожали: бензин, хлеб, проститутки. И вот уже революционно настроенные политики кричат: долой нынешний продажный режим, не понимая, что другого не будет, какие бы ни носили фамилии члены кабинета министров, заниматься они будут тем же — воровать и разглагольствовать. Просто одни уже украли, а другие только хотят... но это я отвлекся. И так... мир, как мы его знаем, развивается и живет по своим неподвластным человеку законам, и короли, премьеры, диктаторы, не более чем этикетки на товаре, полученном в результате многовековых тайных комбинаций элементов природы, совершенных по воле Бога, который в свою очередь тоже лишь чья-то идея.

Тима делал паузу, давая Тане возможность оценить его слова.

О, восхищалась Таня.

Тима продолжал: а идея суть нематериальное и имманентное...

41

Хороший день выпал на долю бывшего интеллигентного человека Германа Мамина. С утра он удачно опохмелился и теперь пребывал в состоянии временного умиротворения. Позже его опять начнет плющить и колбасить, но пока — жизнь терпима. Удивительно, докладывал Герман Тиме, до чего захорошели женщины вокруг, правда? Правда, отвечал на все согласный Тимоша и гадал, когда Герман отпустит его. Возьмем хоть твоих, между тем продолжал Мамин, Анна Суп, жена твоя, красавица? Красавица. А Маруся? Красавица. И даже любовница Таня Платонова и то — глаз не оторвать. Не говоря уж о Джонни этом Кирпичникове...

И пусть Герман, что любил, «поправившись», заглянуть к Тиме в магазин на огонек, все врал насчет любовницы и жены, Тимофею Ивановичу было приятно. Стыдно, что приятно, а все одно — теплело на душе, тешило гордыню. Мелок человек, суетен, цитировал Тима (про себя) уже не вспомнить кого и ждал, вот сейчас Герман перейдет на критику его, Тимы Гаврилова, общественно-политических взглядов.

42

Это до тех пор работает, пока тебя самого не коснулось — продолжал говорить Герман. Но уже на следующий день. Непосредственно! А коснется, тут же забудешь про

красоту мира и приятие всего и всех, как это угодно Господу. Забудешь всю эту карамазовщину! Вот ограбят тебя, изнасилуют жену с дочерью, квартиру сожгут, тут же возопишь об отмщении, а то я не знаю. Уж не будешь утверждать, что все угодно Господу, что он в разнообразии процессов, не до разнообразия тебе станет! Сейчас-то ты хорош, прямо Алешенька в келье у старца Зосимы: всех люблю, все приемлю, дядя родной под машину попал — так суждено, собаку соседи отравили, что ж тут поделаешь — на роду написано. Только ничего там не написано! Ничего! Все — случайность и злая воля!

Герман страшно разволновался и почти кричал.

А ты и такие, как ты, — лицемеры! А правда в том, что каждый за себя и своя рубашка ближе к телу! Скажешь, не так? Не так?!

Меня уже грабили, отвечал Тима. И счастье не в стяжательстве.

А в чем?

В чем?

Герман очень хотел знать.

43

Тима верил Канту, он верил в то, что нравственный закон заложен в человеке изначально и навсегда, как звезды над головой, и что он незыблем. А когда Анна, окончившая биофак университета, объяснила ему, что еще мгновение назад, конечно по меркам истории, нравственным было убить врага и пообедать его печенью и что нынешняя нравственность соответствует нынешнему же развитию общества, да и то не везде и не более, Тима пережил страшные минуты. Его по-настоящему потрясло это. Мир сдвинулся, и пришлось пересматривать свое отношение к привычным вещам. Как же так, спрашивал он, ведь человек всегда знает, когда поступает подло, это же заложено внутри? Это — воспитание, отвечала образованная и объективная Анна.

Было неудобно.

44

С недавних пор их судьбы пересеклись, однажды увидев изображение Богоматери, Тима понял, что в его жизнь вошло теплое и значительное чувство под названием сопричастность. Купив в церковной лавке застекленную карманного размера икону, точнее говоря, размером с обыкновенный покетбук, он поставил ее на письменный стол и теперь, усаживаясь за компьютер, мог подолгу вглядываться в священный Лик. Потом начал изучать судьбу иконы, открыв для себя много чудесного и трагического. Находил, где только мог, всевозможные сведения и систематизировал их, приводя к единому знаменателю — вере и любви.

Биография иконы казалась ему вполне живой и, если так можно сказать, человеческой. Жизнь подлинного изображения в веках отличалась подлинной же драмой. Вообще, настоящность, живость, в значении способности чувствовать боль и радость, составляли единственный смысл пребывания хоть Лика, хоть самого Тимофея на земле. Он начал это понимать. Имея склонность к состраданию всегда, Гаврилов вдруг понял его, сострадания, красоту. Через икону Тихвинской Божьей Матери, через точку Богочеловека, повернутую для лобзания, до Тимы дошел посыл из вечности: «Тима, любовь рулит».

Другого смысла в жизни просто никогда не было.

45

По вечерам Тима читал Марусе любимые им «Соловки» Клюева:

Распрекрасен Соловецкий остров,
Лебединая тишина...
Звенигород, великий Ростов
Баюкает голубизна,
А тебе, жемчужине Поморья,
Крылья чаек навевают сны,
Езера твои и красноборья
Ясными улыбками полны...
Камень и горбатая колода
Золотою дышат нищетой,
По тебе лапотцами народа
Путь углажен к глубине морской...
Глубина ты, глубота морская,
Зыбка месяца, царя-кита,
По тебе скучает пестрядная
Птица, что зовется красота!..
Гей ты, птица, отзовись на песню —
Дерево из капель кровяных!
Глубже море, скалы все отвесней,
Плачут гуси в сумерках седых...

Распрекрасный остров Соловецкий,
Лебединая Секир-гора,
Где церквушка, рубленая клетки,
Облачному ангелу сестра.
Где учился я по кожаной Триоди
Дум прибою, слов колоколам,
Величавой северной природе
Трепетно моляся по ночам...
Где впервые пономарь Авива
Мне поведал хвойным шепотком,
Как лепечет травка, плачет ива
Над осенним розовым Христом.
И Феодора — строителя пустыни,
Как лесную речку помяну,
Он убит и в легкой белой скрыне
Поднят чайками в голубизну...
Помнят смироглазые олени,
Как, доев морошку и кору,
К палачам своим отец Парфений
Из избушки вышел поутру.
Он рассечен саблями на части
И лесным пушистым глухарем
Улетел от бурь и от ненастий
С бирюзовой печью в новый дом...

Не забудут гуси-рыбогоны
 Отрока Ивана на колу,
 К дитятку слетелись все иконы,
 Словно пчелы к сладкому дуплу:
 «Одигитрия» покрыла платом,
 «Утоли печали» смыла кровь...
 Урожаем тучным и богатым
 Нас покрыла песенная новь.
 Триста старцев и семьсот собратий
 Брошены зубастым валунам.
 Преподобные Изосим и Савватий
 С кацеями бродят по волнам...
 В охровой крещатой ризе
 Анзерский Елиазар
 Кличет ласточек и утиц сизых
 Боронить пустынюшку от кар:
 «Ты, пустыня, мать-пустыня,
 Высота и глубота!
 На ключах — озерных стынях —
 Нету лебедя-Христа!
 Студены ручья коленца, —
 Наше сердце студеной,
 Богородица младенца
 Возносила от полей:
 „Вы, поля, останьтесь пусты,
 Без кукушки дом лесной!“
 Грядка белая капусты
 Разрыдалась впервой:
 „Утоли моя печали!“ —
 Плачет репа, брюква тож,
 Пред тобой виновна в мале,
 Как на плаху, никнет рожь!»
 Богородица прижухла,
 Оперлась на локоток:
 «У тебя, беляны пухлой,
 Есть ли Сыну уголок?»
 — «Голубица, у белянки,
 Лишь в стогах уснет трава,
 Будет горенка с лежанкой
 Для Христова Рождества!»

Маруся интересовалась, а что такое «Сосим» и «Саватий»? А «коленка с лежанкой»? Ну, это... начинал Тима, не пугай ребенка, просила Анна. Да я так просто, оправдывался Тима, и они с Марусей хихикали, объединенные общей тайной дружбы.

46

Рутинная рутина, а ничего не поделаешь — надо убирать. Тима взял лопату из каморки уборщицы тети Зои и принялся расчищать снег у входа в магазин. Потом погрел чайник и попил чаю, потом пришла Таня, а затем потихоньку потянулся народ.

Тимофей Иванович сканировал книги, календари, шариковые ручки и учебники электромеханики, выбивал чеки и сдавал сдачу. День как день, мысли были заняты недостроенным планером, а руки — делом. Для планера необходимо купить шесть литров лака по дереву, а для магазина — переставить (расширить) детский отдел по приказу Ирины Васильевны. Давай вечером, когда покупатели схлынут, передвинем детские книжки, предложил он Тане. Давай, согласилась та и повела какую-то тетку в малый зал, показывать шпаргалки по ЕГЭ и ГИА.

Тима покопался в Интернете и выяснил, что ГИА — это государственная итоговая аттестация. В чем ее отличие от единого государственного экзамена (ЕГЭ), Гаврилов не знал и не хотел. Для взаимной счастливой (а любая любовь — счастлива, считал Тимофей) любви с миром все-таки должны существовать границы.

Ограничения, позволяющие сохранить автономность в рамках собственной личности.

47

Они забрали Ее в числе прочих художественных изделий, диких им, но представляющих ценность для дальнейшей перепродажи или обмена.

Солдаты уверенной наступающей армии, сытые, хорошо обмундированные, прекрасно обученные, понесшие минимальные потери, они двигались по земле как по территории и спокойно хватали все, что считали нужным. Все, на что специалист по работе с местным славянским населением, штурмбанфюрер СС Гюнтер Полник указывал пальцем.

Рядовой Ганс протянул в засученном рукаве загорелую руку, заросшую выгоревшими на солнце белесыми волосками, схватил Лик и сунул в мешок.

Эту? Он кивнул на следующую икону разграбляемого киота.

Бери все, потом отсортируем, приказал штурмбанфюрер.

Ганс стал собирать святых, не задумываясь ни о чем, изредка перебрасываясь веселыми фразами со своими товарищами на отрывистом лающем языке.

Грабили на скорую руку в полном походном обмундировании, и все время глухо звякал контейнер от противогаза, задевая каменную стену.

48

Маруся просила собаку, уже и имя придумала — Софочка.

Говорила, мама, купи мне собачку вот такую, и смешно показывала руками какую. Гладила и прижимала к себе воображаемого щенка. Давай купим, соглашался Тима, а? Еще собаки нам только не хватало, смеясь, отбрыкивалась Анна, и они все были счастливы. Другое дело, что не умели этого ценить, как и большинство людей, впрочем. Останьтесь, оглядетесь, понять, как прекрасен день, вечер, ночь.

У Тимофея иногда проскакивало чувство, нечто среднее между наслаждением и сожалением о мгновенной потере оно, но так же быстро проходило, не успев сформироваться.

Вот, начинал объяснять он, шелкал пальцами в воздухе — подыскивал слова — вот... понимаешь... я...

Замолчал, так и не сумев выговорить, или переводил речь на что-нибудь насущное, сиюминутно-важное. Масло растительное надо купить? Надо-надо, отвечала Анна.

Купите лучше собаку! — в сто первый раз спрашивала Маруся.

А то, улыбался Тима.

Сам ты Тото, смеялась Анна.

49

Тима периодически уходил в мечтательные запои.

50

Он чувствовал, что претерпевает изменения.

От постоянного выявления пошлости в обыденном, от разрушения этических и эстетических стереотипов: слез на похоронах, любви к детям и родителям, патриотизма идет к отрицанию наличия пошлости как таковой. К признанию любой модели поведения, где штампы — оправданная опытом человечества форма реакции на то или иное событие, позволяющая выживать в обществе. Социально адаптироваться среди людей, быть своим. Не быть социопатом. Коим, без сомнения, Тима являлся и менее всего хотел этого.

Поэтому происходящие изменения радовали его.

Тима выбрал на полке книжечку рассказов Кафки «Мастер постарта» и сел читать. На рабочем месте.

51

Прошлым летом рядом с домом шла (куда, зачем?) стройка, и Тимофей Иванович имел возможность часто любоваться своими драгоценными бульдозерами и экскаваторами.

Эти умные красивые животные с длинными хоботами, лапами, руками и мордами неустанно трудились, проявляя чудеса ловкости и такта. Помогая друг другу, ладно перенося тонны почвы, ворочая трубы, застывая на самом краю пропасти и предостерегая тяжелые самосвалы от опасности свалиться.

Особенно один нравился Тиме — корейский гусеничный желтый, очень ладный, сплошь застекленный, почти игрушечный. Вытягивал стрелу-руку, брал ковшом-ладонью суглинок, чуть отъезжал, разворачивался на гусенице и вываливал туда, куда показывал рабочий в красной каске и жилете, что держал ковш за привязанную веревку, являя собой не дрессировщика, но помощника. В кабине же этого чуда сидел вульгарный, голый по пояс человек, лишней в этой симфонии труда, раздражавший Тиму своей фактически декларированной обыденностью, тем более заметной на фоне корейского совершенства. Загорелый, как все они, строитель в шортах и с бычком во рту. Еще золотой фикса не хватает для чистоты образа, думал Тима.

Потом вздыхал и шел дальше, проводя в наблюдениях за техникой никак не меньше сорока-сорока пяти минут.

Где же ты так долго ходишь? — удивлялась Анна.

Но не объяснять же ей было.

Вот хлеб и молоко для Маруси.

52

И опять шли разговоры об отказе от материального. Не в этом счастье, в сотый раз повторял Тима, не в приобретении. А в чем? — в сто первый раз спрашивали собеседники. В сострадании, наконец вывел формулу Тима, не помня, что этой формуле столько же лет, сколько и самому вопросу. Потому что каждый приходит к ней первым. В сострадании и в нравственном совершенстве, в тренировке души, если хотите.

Упражнения делать? — удивлялся, например, Джонни.
Да хоть упражнения.
А как?
Раздай все и не сожалей об этом.
И мотоцикл?
И его.
Ну, уж нет. Ни за что!
Опять двадцать пять.

53

Купили собаку. Выбрали девочку.
Сучку, настаивал лично досматривавший кутят Тима.
Нет, девочку, не соглашались девочки.

Назвали, как и планировали, Софочкой. Неизвестной породы, с рук полупьяненького мужичка, стоящего у входа в универсам. Тимофей Иванович возвращался с работы, заглянул в магазин, увидел щенков в картонной коробке под сбившейся цветастой тряпкой и не смог устоять. Когда принес домой, радости Маруси не было конца, спать она собиралась только вместе с Софочкой, и если бы не приказ Анны, так бы и произошло. Зато Маруся принимала самое активное участие в купании собаки. Софочка, Софочка, кричала Маруся, иди сюда, и гонялась за ней с полотенцем. Софочка от испуга описалась. Ну, начинается, сказала Анна. Да ладно, я буду гулять, если что, неожиданно для себя самого, предложил Тима.

И я, и я, слегка по-ослиному добавила Маруся.

54

Привыкал вставать в четыре часа утра, такая у Софочки образовалась привычка — проситься в туалет в это время. Тима натягивал спортивный костюм, обувь «прощай, молодость», старый, рваный на рукаве пуховик, вязаную красную шапку и выбирался на улицу. Софочка куда-то убегала, возвращалась довольная, тихонько тявкала. Тимофей Иванович еще немного стоял под подъездным козырьком, брал собаку на руки и возвращался. Ложился досыпать. Утром, в восемь, собираясь на работу, подходил к Марусиной кровати, наклонялся и вдыхал детский прянично-молочный запах. Уходил довольный, почти счастливый.

До вечера, говорила Анна в дверях.

Да-да, рассеянно отвечал Тима, поцелуй Марусю.

Анна чуть-чуть испуганно улыбалась — ее радовала Тимина любовь к Марусе. И тревожила надуманная опасность: вдруг эта любовь ненадолго.

Надо ли говорить, что Софочка оказалась кобельком.

55

Катал Марусенцию на санках.

Софочка бежала сзади, влекомая ребенком за поводок. Иногда собака обгоняла санки, иногда падала, и тогда волочилась. Маруся смеялась, Тима смеялся, даже Софочка улыбалась, а дома Анна готовила пельмени. Это был рай, счастье. Тимофей Иванович это понимал, он уже практически научился ценить мгновение, говорить себе: вот сейчас, вот оно, именно вот это, обрати внимание, не пропусти. Не пропуская, вечером

сидел в кресле и смаковал прошедший день: смех ребенка, тень в ложбине чуть подтаявшего снега, свет, рассеянно ложившийся на лицо идущей навстречу незнакомой красавицы.

Все люди теперь казались ему красивыми.
Даже Мамин и Терентий Палыч.

56

Во Пскове Илларион Зуев икону укрыв в пригороде, в деревянном, чудом сохранившемся, почти целом доме, закутанную в платок, засунул за руины разрушенной печи. Позже перепрыгнул в лесу, закопал, пометил место и закопал, тщательно упакованную в вощеную промасленную бумагу. Лик просвечивал сквозь нее.

После того как впервые увидел Лик в бывшей школе, куда то ли стаскивали награбленное, то ли просто бросали украденное за ненадобностью, не мог успокоиться.

До войны, до оккупации, еще раньше — до советской власти, Илларион учился на художника, увлекался иконописью и цену безупречной линии знал. Сразу понял, что перед ним не просто «доска», а нечто более ценное.

Сам он работал на фрицев истопником, рубил привезенные дрова, топил печи, выгребал золу в бывшей школе и еще в нескольких домах, где располагались фашистские администрации и какие-то вспомогательные службы. Икону вытащил инстинктивно, умудрился не попасться, а когда разглядел, то ахнул.

Тут же Ей и поклонился, не успев даже дух перевести, стоял на коленях и просил уберечь от расплаты. В глубине души всегда знал, чуял, что спросят с него за нынешнюю службу или партизаны, что хоронились в ближайших лесах, или советская власть, когда вернется. Но уж больно хотелось выжить. Да и кто не хотел, кто?! Плакал.

Еще больше боялся Божьего суда, такая у него появилась и укоренилась мысль после того, как взгляделся в Лик, что Там спрошено будет с каждого.

Буквально.

А то, что советская власть вернется, ни минуты не сомневался.

Но и служил, отапливал помещения.

57

Не надо ему этого.

Твердо знал Тимофей Иванович, что кокетничанье с Таней Платоновой до добра не доведет, и продолжал любезничать. Попадая в силки собственной вежливости, не умея, в силу воспитания, дать понять о неуместности сближения, да и не видя в нем ничего плохого, улыбался и поддерживал разговор. Этого оказалось достаточно, чтобы женщина построила новую вселенную, в которой места хватило всем, кроме Анны, Маруси и Софочки. По крайней мере, ему так казалось.

58

По весне умер сосед Терентий Палыч, с которым прожили в одном доме бок о бок немало лет, чуть-чуть не дотянувший до настоящего тепла. У него не оказалось родственников, то есть родственница нашлась — троюродная племянница Светочка Монастыркина из областного центра, которая тут же заняла освободившуюся квартиру, но собаку Жополиза моментально выставила вон. Печального Жополиза, скулящего у закрытой подъездной двери, забрали Тима с Марусей, возвращавшиеся из магазина с покупками. Анна только вздохнула.

Софочка поначалу испугалась было, но Жополиз оказался настоящим джентльменом, уступал ей лучшие куски праздничной отварной печенки и нежно прихватывал за загривок.

Тима на поминки по Терентию Палычу сначала не хотел идти, противно было смотреть на Светочку, а потом укрепился духом, вспомнил про изменившиеся отношения к миру и решил испить чашу до дна. Чаша оказалась глубока, Монастыркина как ни в чем не бывало спокойно убивалась по ни разу до этого не виденному родственнику и подкладывала себе холодца, приготовленного Анной.

Поминали в местной столовой полиграфического комбината.

59

Хранил на теле, в буквальном смысле слова, привязывал к торсу какими-то тряпками, лентами, обрывками веревок, спал так, ел, ходил, сидел, разговаривал с комендантом и охраной. И все время ощущал Ее присутствие, прижатый к животу Лик — живое к живому, жизнь к жизни, замысел к воплощению, оправдание всей боли, страха, смерти и поругания. И в Кобленце, и в Праге, и здесь у американцев, Она, как заряд добра и любви, помогала быть, потому что вопрос стоял именно так — или быть, или не быть, и гамлетовский парафраз не казался ему неуместным.

Американский полковник Дик Спаковски однажды обратился к нему, почему-то переходя на плохой польский, мистер Гарклав, вы... он не дослушал, вдруг углубился в себя до такой степени, что еле вернулся назад. Покивал головой, соглашаясь неизвестно с чем, привычно ощущая ребрами край иконы. Вот уж воистину вера не в бревнах, а в ребрах.

Полковник улыбался, это была простая любезность.

60

С недавних пор у Тимофея Ивановича появилась пустая привычка носить с собой огромную отвертку с черной рукоятью, специально купленную в хозяйственном магазине. Рассуждал Тима так, за ножик меня могут арестовать и посадить в тюрьму, пистолет взять негде, а если поймают с отверткой, всегда смогу сказать, что брал ее с собой на работу, починить шатающийся прилавок, что частично было правдой: прилавок и вправду шатался. И вообще, я работаю слесарем на заводе!

Привычка эта появилась после нападения, точнее, после многократно придумываемых планов мести, Тима мечтал встретить избивших его хулиганов и как-то страшно и мучительно им отомстить. В мечтах он доходил до ужасных вещей, до жесточайших побоев и обиднейших грязных слов, потом устыжился и старался поскорее забыть все.

Если честно, он был уверен, что не сумеет пустить оружие в вход, но отвертка придавала немного уверенности и служила иллюзорной защитой от зла.

Тима был неисправимый интеллигент.

61

И он их встретил.

Шел с выступления, с презентации новой книжки в конкурирующем книжном магазине писателя Виктора Энэн и около универсама увидел всю гоп-компанию. И лысого, и худого длинного, и третьего, самого незапоминающегося. Сердце подпрыгнуло, ударило в горло, сразу упало в живот, Тима сжался, напрочь забыв про отвертку, пла-

ны мести и даже закрыв на пару секунд глаза. Потом прошел мимо, компании было на него в высшей степени наплевать. Вытер пот со лба.

У подъезда копался под капотом своих старых, облезлых, вросших в асфальт «Жигулей» похмельный Герман Вольфрамович Мамин. Привет, кивнул он Тиме, тот кивнул в ответ, поднялся к себе домой, прижал к груди подбежавшую Софочку и сказал крутившемуся тут же Жополизу, вот так вот.

Жополиз ревновал Софочку к Тиме и Тиму к Софочке, а их всех к Марусе, которую обожал до умопомрачения. Одна Анна почему-то оставалась в стороне.

В дверь позвонили, пришел Мамин поклянчить денег на опохмел, под видом рассказа о последних дворовых новостях.

62

Ему, Сергею, икону передал перед самой кончиной приемный отец, архиепископ Иоанн Гарклав, правящий архиерей, и сказал, что надо делать. Сергей поклялся вернуть Ее на родину, в Тихвинский собор, туда, где Ее настоящий дом. Осталось только дожидаться когда он будет восстановлен и когда власть войдет в божие разумение, отбросив антихристовый морок.

Говоря проще, пойдут на встречу в переговорах о передаче иконы и гарантируют ее сохранность и доступность простым верующим.

В этом он, протоирей Сергей Гарклав, видел одну из основных своих задач на ближайшее время. Если не основную.

63

За несколько дней до своего дня рождения Тима совершил открытие, известное каждому искренне верующему: все совершается по воле Его. Все события предопределены и неизбежны, именно неизбежность делает их не трагичными, а заурядными. Все несчастья: отсутствие взаимной любви, болезни близких, смерть — суть обыкновенные явления, заложенные в жизнь человека уже самим рождением на свет. А в обыкновенном нет трагедии, а есть только очередность (или случайность) происшедшего. Так чего лить слезы и убиваться, возводя очи горе?

Неизбежное обязательно случится.

А на сам день рождения они: Джонни, Тима, Анна, Маруся, Софочка и Жополиз — решили торжественно запустить достроенный планер.

Провести первые летные испытания.

Позже к компании примазался Мамин.

64

Тима иногда думал, что если ему суждено закончить свои дни трудником, не сказать монахом, в каком-нибудь стареньком монастыре, это его не удивит. Должную лютость Тимофей Иванович в себе ощущал.

Но он ошибался — должной не было.

Водил Марусю в кафе есть фисташковое мороженое, Маруся смешно и очень мило перепачкалась и показывала крупные, немного кривоватые молочные зубы.

65

В четверг с утра, как только пришла на работу, опоздав, по своему обыкновению, ровно на двадцать две с половиной минуты, Таня Платонова вытянула в сторону Тимы кисть. Чего? — не понял Тима. Таня продолжала кисть держать.

Да чего?

Дурак?

Таня поиграла пальчиком, и Тимофей Иванович наконец заметил тонкое золотое колечко с мелкими прозрачными камушками — брильянтовой крошкой. Таня была помолвлена.

Не может быть?!

Таня обиделась. Потом пришла Ирина Васильевна, и женщины восторженно щебетали о предстоящем событии, причем Ирина Васильевна, как дама опытная, бывшая замужем три раза, щебетала наставительно и с пониманием, а Таня, как особа юная, с, собственно говоря, самым восторгом и снисходительным почтением к товарке, у которой уже все позади.

Тима выравнивал книги на полке с политической публицистикой, слегка прислушивался и думал о том, что, как всегда, переоценил свои силы, точнее, степень своего мужского обаяния и силу воздействия на женщин. Но какова Платонова? Какой-то жених, какая-то помолвка, какие-то колечки с крошкой, и за все время ни слова, ни полслова, партизанка!

66

Подготовились основательно, Джонни заправил полный бак своего почти спортивного мотоцикла «судзуки» и взял крепкую веревку, Анна собрала сумку для пикника, а Маруся пристегнула поводки Софочке и Жополизу и напаялила новые розовые гольфы. Мамин купил пару фуфыриков жидкости для очистки окон с ароматом жасмина. Встретиться намеревались на холмах за оврагом, которым обрывался Шестой микрорайон. Планер до места в разобранном виде, крылья отдельно, фюзеляж отдельно, должен был доставить жених Тани Платоновой Гера Кочергин, с недавних пор посвященный в планы воздухоплатателей.

В шесть тридцать утра загрузились в Герину тентованную «газель» и довели летающее средство до оврага, Джонни проспал и явился только к восьми сразу к выгрузке. Там перетасили всем миром разобранный аппарат по мостику, вперли на холм и не спеша собрали. Джонни давал умные советы, а Гера помогал крепить крылья, фонарь и шасси. Часам к десяти подошли Анна, Маруся, собаки и непохмелившийся Герман Вольфрамович Мамин с пузырьками в кармане старой штормовки, вообще выглядел он по-боевому.

Даже помолодел.

67

Радость была невероятная.

Десятки, если не сотни верующих и просто любознательных с сочувствующими собрались около собора. Все как полагается: церковное начальство, светское начальство, старухи в платках, молодухи в косынках, суетящиеся непонятные мелкие мужички, разнообразные калеки, пара-тройка блаженных и один по-настоящему сумасшедший, пророчествующий отрок.

Пение, речи, торжество, красота действия и антуража.

Лето, жара, благодать. Легкий ветерок, какое-то жужжание в паузах не совсем ясного толка, вроде как гул толпы, а вроде как пчелиное.

Солнце отражается от позолоты одежды иерархов и от лысин чиновников, всем есть место на белом свете под Ее благочестивыми очами, пронизывающими пространство любовью на много лет и километров вокруг.

Надо только уметь ее видеть.
 Любовь эту.
 Она дома.

68

Привязали длинную, крепкую капроновую веревку, Джонни сел на свой мощный мотоцикл «судзуки» у подножия холма, газанул для остротки, спросил в специально купленную для этого случая детскую рацию с радиусом действия в полкилометра: готов? Готов, ответил Тима, и Джонни погнался, стараясь плавно и без рывков. Немного наискось вдоль оврага, по заранее намеченному пути. Тима в кабине планера, в хоккейном шлеме, сидя в креслице от старого детского автомобильчика, сосредоточился, мысленно перекрестился и потянул на себя рукоятку руля высоты. Других приборов управления просто не было.

Планер разогнался, элероны пошли вниз — аппарат вверх.

Оторвались от земли.

Все было рассчитано правильно — Тимофей Иванович летел!

Ура, закричал Мамин, есть первый человек на Луне! И выпил из горлышка фуфырик жидкости для очистки стекол. Занюхал рукавом, спросил, когда шашлык будет. Анна захлопала в ладоши, Маруся запрыгала и завизжала, а Софочка с Жополизом весело и победно залаяли.

Тима некоторое время летел, а Джонни ехал на мотоцикле. Тима успел увидеть какую-то непонятную толпу, собирающуюся у автобусной остановки, речку Парашку, что текла по дну неглубокого оврага, и даже Джонни на мотоцикле, а потом веревка кончилась и вместо того, чтобы отстегнуться автоматически, согласно технологии запуска планеров, натянулась, как струна. Тима просто забыл про механизм отстегивания, все сделал, а это упустил из виду.

«Судзуки» сильно дернулся, встал на попа, завалился на бок, выкидывая Джонни из седла, а планер, нырнув носом, сорвался в стремительное падение.

Высота была небольшая, и уже через мгновение безмоторный аппаратик ударился о землю, а Тима вылетел из кокпита метров на десять в сторону.

69

Второй раз уже в течение этого насыщенного персонального года Тима лежал в больнице. Сломал руку в запястье и порвал связки колена правой ноги. Плюс сотрясение мозга, многочисленные ушибы, новая трещина в сломанном ранее хулиганами ребре и надрыв селезенки, а вообще, как сказал лечащий врач Петр Евгеньевич, просто повезло, что так отделался. Горе, ты мое, прокомментировала ситуацию Анна, после того как от души наревелась. Я тебя люблю, Тима, сказала Маруся, и тут уже слезы навернулись у Тимофея Ивановича.

Два раза проведать его заходил Мамин, первый раз принес кулек немых семечек, а второй — традиционный фуфырик очистителя стекол с запахом жасмина. Тима не побрезговал, выпил с Германом Вольфрамвичем, так что того аж передернуло слегка от сожаления, рассчитывал на одного.

Тима попросил у Анны икону Тихвинской Божией Матери, ту, застекленную, размером с покетбук, и Анна принесла.

В палате заструился свет.

С работы были Таня с Герой, передавали привет от Ирины Васильевны и просьбу отнестись с пониманием, Тиму сейчас ненадолго временно уволят, а когда он оконча-

тельно выздоровеет, возьмут обратно. Но Тима знал, что нет ничего более постоянного, чем временно принятые решения. Тем паче два раза в одну реку не входят. Вот, кстати, что за дурацкая присказка, спрашивал Тимофей Иванович у Анны. Но та только качала головой и ласково поправляла подушку.

Ничего, как-нибудь, говорила она, проживем.

70

А Джонни обошелся испугом средней тяжести, чем очень гордился.

Нам, рассказывал он всем желающим послушать, ночным волкам, все нипочем, что с самолета падать, что с мотика.

Слушатели восхищенно цокали языками.

71

Солнце садится за речку и по вечерам лупит в окна палаты.

Тима жмурится.

И снова верит Канту.

72

Лето в том году было длинным и сладким.

Когда Тима выписался из больницы, они все вместе, с Анной, Марусей и собаками, поехали отдыхать в деревню Лапушки, к Анниной тетке Клаве. Приезжайте, сказала та, у нас хорошо, да и помощники мне нужны, годы-то идут. Тима засмеялся, попробовал возразить, мол, я не устал, чего отдыхать? Но Марусенция обняла его, поцеловала по-взрослому в лоб и спросила: мы за грибами будем ходить? А за ягодами? А на рыбалку?

И Тима тут же сдался.

А кто бы устоял?

Конец.